
**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.171.94> EDN: QNXTWN**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В КУРДСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Научная статья

Кассаб А.^{1,*}¹ Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (aylahusam[at]gmail.com)

Предложена: 29.05.2026; Принята: 20.08.2026; Опубликовано: 17.09.2026

Аннотация

В статье рассматривается прагматический потенциал концептуальной метафоры в курдской фразеологии как механизм, связывающий образную семантику устойчивого выражения с оценкой, эмоциональной выразительностью, речевым воздействием и культурной маркированностью. Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью прагматического аспекта курдских фразеологических единиц в когнитивной лингвистике, а также необходимостью описания того, каким образом метафорические модели участвуют в интерпретации эмоций, социальных норм, времени, смерти, чести и межличностных отношений. Цель работы состоит в выявлении основных прагматических функций концептуальной метафоры в курдской фразеологии и определении их роли в формировании коммуникативного смысла высказывания. Материалом исследования послужили курдские фразеологические единицы, представленные в современных работах по когнитивной метафоре, идиоматике и сопоставительному изучению курдского языка, а также иллюстративные примеры, используемые для демонстрации функционирования метафорических моделей в речевом контексте. Научная новизна статьи заключается в том, что концептуальная метафора анализируется не только как способ вторичной номинации, но и как средство прагматической организации высказывания. Теоретическая значимость работы связана с уточнением роли фразеологизма в репрезентации языковой картины мира, практическая значимость — с возможностью использования результатов при переводе, межкультурной коммуникации и обучении идиоматике курдского языка. Эмпирическая база включает выборку из 64 курдских фразеологических единиц, отобранных из курдско-английских и курдских лексикографических источников, электронной лексикографической базы *VejinLex*, а также современных исследований по курдской идиоматике. В статье подробно рассматриваются 12 наиболее показательных единиц, отражающих основные семантические зоны исследования.

Ключевые слова: когнитивная метафора, курдская фразеология, прагматика, идиомы, образность, оценочность, культурный код.

THE PRAGMATIC POTENTIAL OF CONCEPTUAL METAPHORS IN KURDISH PHRASEOLOGY

Research article

Qassab A.^{1,*}¹ Rostov State University of Economics "RINH", Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author (aylahusam[at]gmail.com)

Suggested: 29.05.2026; Accepted: 20.08.2026; Published: 17.09.2026

Abstract

The article examines the pragmatic potential of conceptual metaphors in Kurdish phraseology as a mechanism linking the figurative semantics of a fixed expression with evaluation, emotional expressiveness, speech impact and cultural marking. The relevance of the study is determined by the insufficient exploration of the pragmatic aspect of Kurdish phraseological units in cognitive linguistics, as well as the need to describe how metaphorical models contribute to the interpretation of emotions, social norms, time, death, honour and interpersonal relationships. The aim of the research is to identify the main pragmatic functions of conceptual metaphor in Kurdish phraseology and to determine their role in the formation of the communicative meaning of an utterance. The research material consists of Kurdish phraseological units presented in contemporary works on cognitive metaphor, idiomatics and the comparative study of the Kurdish language, as well as illustrative examples used to demonstrate the functioning of metaphorical models in a speech context. The scientific novelty of the paper lies in the fact that conceptual metaphor is analysed not only as a means of secondary nomination, but also as a means of the pragmatic organisation of utterances. The theoretical significance of the study is related to clarifying the role of phraseology in representing the linguistic worldview, while its practical significance lies in the potential application of the findings to translation, intercultural communication and the teaching of Kurdish idioms. The empirical basis comprises a sample of 64 Kurdish phraseological units, selected from Kurdish–English and Kurdish lexicographical sources, the *VejinLex* electronic lexicographical database, and contemporary studies on Kurdish idiomatics. The paper examines in detail the 12 most representative units, which reflect the main semantic areas of the research.

Keywords: cognitive metaphor, Kurdish phraseology, pragmatics, idioms, imagery, evaluativeness, cultural code.

Введение

Фразеология курдского языка представляет особый интерес для современной когнитивной лингвистики, поскольку устойчивые выражения не только фиксируют результаты вторичной номинации, но и репрезентируют устойчивые способы концептуализации действительности. Через фразеологизмы в языке закрепляются коллективные представления о человеке, эмоциях, времени, нравственных качествах, социальных отношениях, смерти, достоинстве, стыде и ответственности. В этом отношении курдская фразеология выступает не просто как совокупность образных выражений, а как особая зона пересечения семантики, культуры и прагматики [8].

В последние годы в лингвистических исследованиях усиливается внимание к прагматическому аспекту метафоры. Если в традиционной парадигме метафора рассматривалась преимущественно как средство художественной выразительности, то в рамках когнитивного подхода она осмысливается как базовый механизм структурирования знания. При этом особую значимость приобретает вопрос о том, каким образом концептуальная метафора, лежащая в основе фразеологической единицы, влияет на интерпретацию высказывания, его оценочность, эмоциональную насыщенность и коммуникативную направленность [3].

Актуальность исследования определяется тем, что курдская фразеология остаётся сравнительно менее описанной в прагматическом аспекте, чем фразеология крупных европейских языков. Современные работы показывают продуктивность когнитивного подхода при изучении идиом времени, смерти, цвета, частей тела, пищевых и культурных образов в курдском языке [2], [6], [7], [9]. Однако во многих исследованиях основной акцент делается на семантической или методической стороне проблемы, тогда как прагматическая сила фразеологизма раскрывается не всегда достаточно подробно.

Цель статьи состоит в выявлении прагматического потенциала концептуальной метафоры в курдской фразеологии и описании тех функций, через которые метафорический фразеологизм влияет на восприятие ситуации адресатом. Для достижения данной цели решаются следующие задачи:

- определить теоретические основания анализа концептуальной метафоры;
- описать материал и методы исследования;
- выделить основные прагматические функции метафоры в курдских фразеологизмах;
- интерпретировать полученные результаты в контексте современных исследований по курдской идиоматике и когнитивной лингвистике.

Научная новизна работы заключается в том, что концептуальная метафора рассматривается не только как способ образного обозначения абстрактного содержания, но и как инструмент речевого воздействия. В статье показано, что курдский фразеологизм способен одновременно называть явление, задавать его оценку, усиливать эмоциональный эффект, смягчать прямое сообщение и включать ситуацию в систему культурно значимых норм. Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении связи между когнитивной моделью, внутренней формой фразеологизма и прагматическим эффектом высказывания. Практическая значимость связана с возможностью использования полученных наблюдений в переводческой практике, преподавании курдской идиоматики, межкультурной коммуникации и дальнейшей лексикографической обработке фразеологических единиц.

Источником фразеологического материала выступали не художественные тексты, а курдско-английские и курдские лексикографические источники, включая словари M. L. Chyet, T. Wahby и C. J. Edmonds, электронную лексикографическую платформу *VejinLex*, а также опубликованные научные работы по курдской идиоматике, в которых приведены устойчивые выражения и их интерпретация [4], [13], [14]. Иллюстративные предложения, отмеченные в статье как «пример наш», используются только для демонстрации речевого функционирования фразеологизма и не рассматриваются как самостоятельный источник отбора единиц.

Методы и принципы исследования

Исследование проведено в 2025–2026 гг. в рамках качественного лингвистического анализа курдского фразеологического материала. Работа не носила характера психолингвистического эксперимента с информантами, поэтому под наблюдением в данном случае понимается последовательное описание и интерпретация фразеологических единиц, представленных в научных публикациях, словарных материалах и иллюстративных речевых контекстах. Основное внимание уделялось тому, как устойчивое выражение функционирует в коммуникативной ситуации и какой прагматический эффект оно создаёт. Источник материала конкретизирован: фразеологические единицы отбирались по данным современных публикаций по курдской фразеологии и когнитивной метафоре, а не методом самостоятельного извлечения из художественного корпуса.

Материал исследования составили курдские фразеологические единицы, связанные с несколькими семантическими зонами: эмоции и внутренние состояния; смерть и утрата; честь, стыд и социальная репутация; время; части тела; пространство и жизненные возможности. В выборку включались такие единицы, в которых переносное значение сохраняет связь с образной основой и может быть интерпретировано через концептуальную метафору. Среди анализируемых выражений рассматриваются *can da*, *dilteng bûn*, *dilşikesî*, *rû reş*, *rû spî*, *dem hat*, *wext derbas bû*, *ser bilind kirin*, *segerê min dişewite*, *avêtina ber bayê*, *derî vekirin* и другие. Общий объём выборки составил 64 фразеологические единицы, извлечённые из лексикографических источников и научных публикаций [4], [6], [7], [9], а также [10], [13], [14], [15]. По семантическим зонам материал распределялся следующим образом:

- эмоции и внутренние состояния — 14 единиц;
- смерть и утрата — 8 единиц;
- честь, стыд и социальная репутация — 10 единиц;
- время — 9 единиц;
- части тела и соматические образы — 15 единиц;
- пространство и жизненные возможности — 8 единиц.

В основной текст включены 12 наиболее репрезентативных примеров, поскольку формат статьи не предполагает полного перечисления всех единиц выборки.

Методологической основой исследования является когнитивно-лингвистический подход, в рамках которого концептуальная метафора понимается как осмысление одной понятийной области через другую. Более конкретная сфера-источник используется для интерпретации более абстрактной сферы-мишени, а фразеологизм выступает языковой формой закрепления такого соответствия. Для анализа применялись метод семантико-когнитивного моделирования, метод контекстуальной интерпретации, элементы компонентного анализа, а также сопоставительный принцип, позволяющий учитывать различие между буквальным переводом и прагматически адекватной передачей смысла.

Принцип отбора материала заключался в том, что в анализ включались не отдельные случайные метафоры, а устойчивые выражения, обладающие воспроизводимостью, культурной узнаваемостью и прагматической нагрузкой. Особое внимание уделялось тем единицам, которые в современных исследованиях курдской идиоматики рассматриваются как значимые для понимания языковой картины мира: идиомы времени [2], эвфемистические выражения смерти [7], цветовые идиомы [9], фразеологизмы с компонентом «голова» [10], пищевые идиомы [6], идиомы с соматическим компонентом [15]. Дополнительно учитывались данные современных работ по обработке курдских идиом в корпусной и компьютерной лингвистике, поскольку они показывают важность фразеологии для машинного перевода, автоматического распознавания переносных значений и сохранения культурной информации [11]. Лексикографические источники использовались для проверки устойчивости формы, значения и переводного соответствия анализируемых единиц [4], [13], [14]. Выборка является показательной для качественного прагматико-когнитивного анализа, поскольку охватывает разные типы концептуальных метафор и несколько устойчивых тематических групп; при этом она не претендует на исчерпывающий статистический корпус всей курдской фразеологии.

Анализ проводился в несколько этапов. На первом этапе определялось буквальное значение компонентов фразеологизма. На втором этапе выявлялась метафорическая модель, которая связывает сферу-источник и сферу-мишень. На третьем этапе устанавливалась прагматическая функция выражения: оценочная, экспрессивная, эвфемистическая, интерпретационная, регулятивная или культурно-маркирующая. На четвертом этапе рассматривалось, как выбранный образ влияет на адресата и почему он оказывается коммуникативно значимым в конкретной речевой ситуации.

Основные результаты

Проведенный анализ показал, что прагматический потенциал концептуальной метафоры во фразеологии проявляется прежде всего в интерпретационной функции. Используя устойчивое метафорическое выражение, говорящий не ограничивается простым обозначением предмета речи, а одновременно формирует способ его восприятия. Особенно отчетливо это проявляется в тех случаях, когда фразеологизм уже содержит оценку, эмоциональный оттенок или социально-культурную характеристику [9]. В результате адресат воспринимает не нейтральное сообщение, а уже осмысленную и прагматически маркированную картину ситуации.

Одной из значимых функций концептуальной метафоры в составе курдских фразеологизмов выступает эвфемистическая функция. Особенно отчетливо она проявляется в выражениях, связанных со смертью, утратой и тяжёлыми жизненными состояниями. Так, в курдском языке используется выражение *can da*, которое употребляется в значении «умер». Например: *Bavê wî duh can da* — «Его отец вчера умер». В основе данного фразеологизма лежит не буквальное представление об отдаче, а метафорическая модель, в которой смерть осмысливается как уход жизненной силы или уход души. Иначе говоря, речь идёт не о резком прекращении существования, а о покидании человеком жизненного начала. Такая образная репрезентация позволяет смягчить высказывание, сделать его менее жёстким и более соответствующим нормам речевого этикета [7].

Не менее важной является экспрессивная функция когнитивной метафоры. При описании эмоциональных состояний курдская фразеология часто опирается на концептуальные метафоры «тоска — это сжатие», «душевная боль — это надлом», «тяжёлое переживание — это тяжесть». Так, выражение *dilteng bûn* состоит из компонентов *dil* «сердце» и *teng* «узкий, тесный, сжатый» и употребляется в значении «тосковать», «испытывать душевную тяжесть». В его основе лежит метафора «тоска — это сжатие сердца»: *Dema ez ji welatê xwe dûr ketim, gelek dilteng bûm* («Когда я оказался далеко от родины, мне было очень тоскливо») (пример наш). Близкую модель представляет выражение *dilşikestî*, включающее *dil* «сердце» и *şikestî* «сломанный, разбитый», со значением «подавленный», «с разбитым сердцем»: *Piştî wê heberê ew dilşikestî ma* («После этой новости он остался подавленным») (пример наш).

В подобных единицах метафора усиливает выразительность речи, делает эмоцию более наглядной и способствует более глубокому вовлечению адресата в интерпретацию высказывания [12]. Особенно ярко это проявляется в единицах, описывающих страх, тревогу, внутреннее напряжение. Современные исследования соматических идиом также подтверждают, что фразеологизмы с компонентами частей тела часто вызывают трудности при буквальном понимании, поскольку их значение зависит от культурно закреплённой образной модели [15].

Оценочная функция занимает существенное место в прагматической организации курдской фразеологии. Это объясняется тем, что значительная часть устойчивых выражений опирается на метафорические образы, изначально связанные с определённой аксиологической характеристикой. Особенно ясно это видно в цветовых выражениях, где реализуются концептуальные метафоры «стыд, позор — это тьма» и «честь, уважение — это свет». Так, *rû reş* (букв. «чёрное лицо») связано с позором и общественным осуждением: *Bi vê derewê rûyê xwe reş kir* — «Этой ложью он опозорил себя». Напротив, *rû spî* (букв. «белое лицо») выражает честь, достоинство и доброе имя: *Di nav gel de rû spî ma* — «Среди людей он сохранил честь» [9].

Не менее выразительно в курдском языке работают метафоры времени. О времени часто говорят так, будто оно движется, как человек или поток: оно может «приходить», «проходить», «уходить». Например, выражение *dem hat*, то есть «время пришло», представляет время как движущийся субъект, приближающийся к человеку или событию: *Dem hat ku em dest bi karê xwe bikin* — «Настало время начать нашу работу». Сходным образом конструкция *wext derbas bû*, то есть «время прошло», репрезентирует время как поток или отрезок пути, который можно пройти или утратить: *Wext zû derbas bû* — «Время прошло быстро» [2].

Анализ также показал значимость культурно-маркирующей функции концептуальной метафоры. Устойчивое выражение не просто наделяется переносным смыслом, но и вовлекает слушающего в особую культурную логику осмысления ситуации. В таких случаях фразеологизм выступает как сжатая формула коллективного опыта: за единичным образом стоят представления о чести, личном достоинстве, родственных узах, гостеприимстве, храбрости, чувстве стыда или общественной ответственности. Именно поэтому прагматическое воздействие подобных единиц обусловлено не одной лишь образностью, но и тем, что адресат опознаёт в них культурно значимый код.

В курдской фразеологии особенно отчётливо выделяется соматический код, то есть осмысление внутренних состояний и социальных качеств человека через части тела. Например, единицы с компонентом *ser* («голова») часто связаны с идеями разума, достоинства, самостоятельности и социального статуса. Выражение *ser bilind kirin* (буквально «поднять голову») может использоваться в значениях «обрести чувство собственного достоинства», «испытывать гордость», «заслужить уважение»: *Wî bi karê xwe serê malbata xwe bilind kir* («Своим поступком он поднял честь своей семьи» — пример наш). Здесь физическое движение вверх переносится в сферу социальных оценок, а метафорическая модель «достоинство — это верх» позволяет представить поступок как действие, укрепляющее положение человека в глазах окружающих [10].

Соматические метафоры важны и при описании эмоциональных переживаний. Если в приведённых выше примерах сердце ассоциируется с тоской и душевной болью, то другие внутренние органы могут указывать на более интенсивные и глубинные чувства. Для курдской языковой картины мира показательны выражения с компонентом *seger* («печень»). Конструкция *segerê min dişewite* (буквально «моя печень горит») может употребляться для выражения сильной тревоги, боли или сострадания: *Dema min zarokê nexweş dît, segerê min şewitî* («Когда я увидел больного ребёнка, у меня сердце сжалось от боли» — пример наш). В русском переводе естественнее использовать слово «сердце», однако в курдском образе акцент смещается на иной телесный центр переживания.

Ещё одним направлением прагматической реализации метафоры выступает регулятивная функция. Она проявляется в тех случаях, когда фразеологизм служит для косвенного совета, предупреждения, упрёка или воспитательного воздействия. Например, выражение *avêtina ber bayê* (буквально «бросить на ветер») может использоваться в значении «растратить впустую», «израсходовать без пользы»: *Ew pereyê xwe ber bayê da* («Он пустил свои деньги на ветер» — пример наш). В основе фразеологизма лежит модель «бесполезная трата — это отдача ветру». С прагматической точки зрения она позволяет критиковать не напрямую, а через наглядный образ исчезновения и безвозвратности.

Аналогичную функцию выполняют выражения, построенные на пространственной метафоре пути, двери, порога, открытого и закрытого пространства. Пространство в таких единицах становится способом говорить о возможностях, ограничениях и жизненном выборе. К примеру, *derî vekirin* (буквально «открыть дверь») может означать «создать возможность», «дать начало чему-либо»: *Ev biryar deriyekî nû vekir* («Это решение открыло новую возможность» — пример наш). И наоборот, *derî girtin* («закрыть дверь») может передавать прекращение доступа, отказ или невозможность дальнейших действий. В подобных выражениях абстрактные отношения становятся наглядными: возможность предстаёт как вход, препятствие — как закрытая дверь, развитие — как движение вперёд.

Отдельный результат связан с выявлением пищевых и предметно-бытовых образов. Исследования курдских пищевых идиом показывают, что метафорическая модель «еда» может использоваться для концептуализации человека, эмоций, речи, поведения, средств к существованию, выгоды, потерь и жизненных обстоятельств [6]. Для прагматики это важно потому, что бытовой образ делает абстрактное содержание близким и понятным адресату, а значит, повышает убедительность и запоминаемость высказывания.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют утверждать, что концептуальная метафора в курдской фразеологии действует не только на уровне значения, но и на уровне речевого эффекта. Фразеологизм, построенный на метафорической модели, помогает говорящему не просто назвать ситуацию, а сразу предложить адресату определённый способ её понимания. Если речь идёт о смерти, метафора смягчает прямоту сообщения; если о позоре или чести, она усиливает социальную оценку; если о страхе, тоске или сострадании, она делает внутреннее состояние телесно ощутимым.

В этом отношении результаты исследования согласуются с работами, посвящёнными отдельным зонам курдской метафорики. Так, анализ концептуальной метафоры времени в курдском языке показывает, что время осмысляется через движение, пространство и социально-психологический опыт [2]. Рассмотрение метафор смерти подтверждает, что эвфемистические выражения позволяют говорить о травматичном содержании более мягко и культурно приемлемо [7]. Исследования цветовых идиом демонстрируют связь «чёрного» и «белого» с оценкой, репутацией и социальной маркированностью [9]. Анализ идиом с компонентом «голова» показывает, что соматические образы участвуют в концептуализации достоинства, разума и социальной позиции [10].

Сопоставление с работами по пищевым идиомам и календарным метафорам расширяет эту картину. Пищевые образы в курдской фразеологии подтверждают, что повседневная материальная сфера может становиться источником для осмысления эмоций, поведения и социальных отношений [6]. Исследование курдских календарей показывает, что даже такая абстрактная категория, как время, получает культурную конкретизацию через природные явления, ритуалы, сезонные перемещения и пространственные схемы [1]. Следовательно, курдская концептуальная метафора тесно

связана не только с телесным опытом, но и с образом жизни, локальной памятью, природной средой и коллективными нормами.

Особое значение имеет различие семантического и прагматического уровней фразеологизма. На семантическом уровне устойчивое выражение обладает закреплённым переносным значением, которое можно передать словарным эквивалентом. На прагматическом уровне важно понять, зачем говорящий выбирает именно эту форму: чтобы смягчить сообщение, усилить эмоциональный эффект, выразить неодобрение, включить ситуацию в систему традиционных норм или сократить объяснение за счёт культурно узнаваемого образа. Поэтому при анализе курдских фразеологизмов недостаточно привести только буквальный перевод и переносное значение. Необходимо учитывать речевую ситуацию, отношения между участниками общения, степень эмоциональной напряжённости и культурную узнаваемость образа.

Такой подход особенно важен для перевода и межкультурной коммуникации. При буквальной передаче метафорического образа часть прагматического смысла может быть утрачена или, наоборот, воспринята слишком резко. Например, выражение с компонентом *seger* при переводе на русский язык часто требует функционального соответствия через «сердце», «душа», «внутренняя боль», потому что буквальная «печень» не всегда вызывает у русскоязычного адресата нужную эмоциональную реакцию. Аналогично фразеологизмы, связанные с лицом, стыдом и цветовой оценкой, требуют не механического калькирования, а учёта того, какие ассоциации активируются в принимающей культуре.

Внутри самой курдской коммуникации метафорический фразеологизм может служить средством экономии речевых усилий. Вместо развёрнутого объяснения говорящий использует устойчивый образ, уже понятный адресату. В результате высказывание становится кратким, но насыщенным по смыслу: оно одновременно передаёт факт, эмоциональное отношение и социальную оценку. Именно поэтому фразеологизмы часто оказываются удобными в ситуациях повседневного общения, семейных разговорах, наставлении, выражении сочувствия или публичной оценке поступка.

Обсуждение результатов позволяет также обозначить перспективы дальнейших исследований.

Во-первых, необходим более широкий корпусный анализ курдских фразеологизмов с разметкой сфер-источников, сфер-мишеней и прагматических функций.

Во-вторых, перспективным является сопоставление курдских идиом с русскими, английскими, арабскими и персидскими устойчивыми выражениями, поскольку это позволит точнее выявить универсальные и культурно-специфические модели.

В-третьих, важным направлением становится компьютерная обработка идиом. Современные исследования по автоматическому обнаружению идиом в сорани показывают, что фразеологические единицы имеют значение не только для теоретической лингвистики, но и для машинного перевода, анализа тональности и разработки ресурсов для языков с ограниченной цифровой представленностью [11].

Кроме того, результаты работы могут быть полезны для преподавания идиом. Исследования, посвящённые использованию концептуально-метафорического подхода при обучении английским идиомам курдских студентов, показывают, что осознание метафорической модели помогает учащимся лучше понимать устойчивые выражения и видеть за ними не случайное сочетание слов, а мотивированную когнитивную схему [5], [8]. Это подтверждает практическую значимость анализа курдской фразеологии: объяснение внутренней формы идиомы облегчает её перевод, запоминание и адекватное употребление в речи.

Заключение

Проведённое исследование показало, что прагматический потенциал концептуальной метафоры в курдской фразеологии заключается в её способности объединять образ, смысл и коммуникативное намерение в пределах одной устойчивой единицы. Фразеологизм, мотивированный метафорической моделью, не только называет фрагмент действительности, но и формирует способ его восприятия, обеспечивая выражение оценки, эмоции, речевой тактики и культурной позиции.

С прагматической точки зрения когнитивная метафора в составе фразеологизма реализует несколько взаимосвязанных функций: интерпретационную, оценочную, экспрессивную, эвфемистическую, регулятивную и культурно-маркирующую. Все они направлены на то, чтобы сделать высказывание более точным не только в денотативном, но и в коммуникативном смысле. Иначе говоря, фразеологизм позволяет говорящему не просто назвать явление, но и определить модус его восприятия: как достойного, постыдного, болезненного, трагического, опасного, социально значимого или эмоционально значимого.

Особое значение для курдской фразеологии имеют соматические, цветовые, временные, пространственные, пищевые и эвфемистические модели. Через них описываются внутренние состояния человека, представления о чести и стыде, отношение к смерти, переживание времени, социальная репутация и нормы поведения. Чем теснее метафорическая модель связана с коллективным опытом носителей языка, тем сильнее её воздействующий потенциал. Адресат распознаёт не только переносное значение, но и систему ассоциаций, норм и культурных коннотаций, которые активируются в процессе восприятия речи.

В результате, концептуальная метафора может рассматриваться как один из ключевых механизмов прагматической организации курдской фразеологии. Дальнейшее изучение данной темы целесообразно развивать в трёх направлениях: расширение эмпирического корпуса курдских фразеологизмов, сопоставительный анализ с другими языками и разработка прикладных решений для перевода, обучения идиоматике и автоматической обработки курдских текстов. Полученные выводы относятся к обозначенной качественной выборке и требуют дальнейшей проверки на более широком корпусе курдских фразеологических единиц.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ameen G.A.M. Conceptual Metaphor of Time in Kurdish / G.A.M. Ameen, Q.K. Tofiq // *Raparin Journal of Humanities*. — 2025. — Vol. 12, № 5. — P. 126–144.
2. Boussaid Y. The difficulties hindering EFL teachers from using metaphor-based teaching / Y. Boussaid // *Australian Journal of Applied Linguistics*. — 2024. — Vol. 7, № 2. — P. 1–16.
3. Chyet M.L. *Kurdish-English Dictionary: Ferhenga Birûskî* / M.L. Chyet. — London : Transnational Press London, 2020.
4. Fatah A.H. Kurdish Undergraduate EFL Students' Perspectives on Using Conceptual Metaphor-based Approach in Teaching English Idioms / A.H. Fatah, H.A. Karim // *Journal of University of Human Development*. — 2023. — Vol. 9, № 1. — P. 26–37. — DOI: 10.21928/juhd.v9n1y2023.pp26-37.
5. Jawad H.F. Conceptual Metaphor in Kurdish FOOD Idioms: A Cognitive-Linguistic Analysis / H.F. Jawad. — Sulaimani University, College of Basic Education, 2022. — P. 1–24.
6. Jekhny K.A. Metaphors We Die By / K.A. Jekhny // *Cihan University-Erbil Journal of Humanities and Social Sciences*. — 2025. — Vol. 9, № 1. — P. 86–93.
7. Karim H.A. A Conceptual Metaphor-based Approach to Facilitate English Idiom Comprehension by Kurdish University Students of EFL / H.A. Karim, A.H. Fatah // *Koya University Journal of Humanities and Social Sciences*. — 2023. — Vol. 5, № 1. — P. 175–188.
8. Mahmood L.A. The Semantics of "black" and "white" Idiomatic Expressions in English and Central Kurdish / L.A. Mahmood, H.A. Muhammad // *Raparin Journal of Humanities*. — 2023. — Vol. 10, № 1. — P. 205–224.
9. Omer N.A. Analysis of the Idioms of (Head) in Kurdish Language, from the Perspective of Cognitive Linguistics / N.A. Omer // *Raparin Journal of Humanities*. — 2024. — Vol. 11, № 5. — P. 177–197.
10. Omer S.K. Idiom Detection in Sorani Kurdish Texts / S.K. Omer, H. Hassani. — 2025. — P. 1–22.
11. Shakir B.F. Metaphorical Conceptualization of Fear in English and Kurdish / B.F. Shakir, A.M. Sabir // *Zanco Journal of Human Sciences*. — 2023. — Vol. 27. — P. 504–515.
12. *Kurdish Lexicography Platform*. — URL: <https://lex.vejin.net/en> (accessed: 28.06.2026).
13. Wahby T. *A Kurdish-English Dictionary* / T. Wahby, C.J. Edmonds. — Oxford : Clarendon Press, 1966.
14. Yousif M.M. Misinterpretation of the Non-Literal Use of Body Idioms by Kurdish EFL Learners / M.M. Yousif, A.A. Amin // *The Scientific Journal of Cihan University*. — 2025. — Vol. 9, № 1. — P. 231–246.